

Д.Ю. Базаркина

Коммуникация в арсенале террористов и антитеррористических структур в Италии (2000–2013)

Аннотация. В центре внимания автора – террористическая деятельность и коммуникационные стратегии итальянских террористических организаций. Анализу подвергнуты как террористическая пропаганда, так и использование самого теракта в основе информационного повода, а также другие средства воздействия на общественное мнение в стране. Рассмотрены стратегии коммуникации силовых структур Италии в борьбе с терроризмом.

Abstract. Author focuses on the terrorist activity in Italy and the communication strategies of Italian terrorist organizations. The influence of the terrorist propaganda, use of the terrorist act as a communication means and other mechanisms of communication on public opinion in the country are analyzed. The communication strategies of Italian law enforcement agencies in the counter-terrorist struggle are also researched.

Ключевые слова: Италия, терроризм, ультралевые, война с террором, «Неформальная анархистская федерация», «Красные бригады», коммуникация, кризис, коммуникационный менеджмент.

Keywords: Italy, terrorism, far-left, war on terror, «Informal Anarchist Federation», «Red Brigades», communication, crisis, communication management.

«Война с террором» и коммуникация: проблемы и перспективы

Чтобы вкратце охарактеризовать проблемы государств, участвующих в глобальной «войне с террором», можно привести мнения специалистов Всемирного антикриминального и антитеррористического форума (ВААФ). Так, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по безопасности А.С. Куликов утверждает, что «война с террором» «нанесла больше морального ущерба государствам воюющей коалиции, чем материального ущерба, тем террористическим группировкам, против которых она объявлена» (5, с. 12).

Специальный представитель президента РФ по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью А.Е. Сафонов также обращает внимание на тот факт, что в период с 2001 по 2006 г. «Аль-Каида» «из организации финансирующей, планирующей и проводящей собственно основные террористические акции превратилась в идеологическую организацию» (6, с. 13).

Основной проблемой, которую можно выделить для государств – участников «войны с террором», является падение их материальных и нематериальных активов. К материальным активам можно отнести технические и финансовые ресурсы, расходуемые при проведении антитеррористических мероприятий. К нематериальным активам в данном случае относятся имидж и репутация властей государства и его силовых структур как на международной арене, так и в собственной внутренней политике.

Если определить коммуникацию как обмен информацией между двумя или более индивидами или группами, то коммуникационный аспект террористической деятельности можно описать как процесс обмена информацией между террористической организацией и ее внутренней (члены организации, возможно, находящиеся в других районах, городах или даже странах) и внешними аудиториями. К внешним аудиториям террористов можно отнести государственные власти, силовые структуры, представителей СМИ и общественных организаций, а также, среди прочих, – потенциальных новых террористов и сторонников. Как средства передачи сообщений террористы используют сами теракты (благодаря резо-

нансу в СМИ), рассылки сообщений в редакции, работу в социальных сетях и на интернет-форумах, свои собственные интернет-сайты и многое другое.

Разумеется, антитеррористические структуры для минимизации влияния террористов в информационном пространстве также должны использовать и уже широко используют различные способы передачи информации (самый типичный пример – широкая публикация материалов по борьбе с терроризмом в Интернете).

На сегодняшний день коммуникационный аспект антитеррористической деятельности остается не до конца разработанным даже на базе общеевропейских организаций. Так, на уровне Антитеррористического подразделения ОБСЕ (OSCE Counter-Terrorist Unit) главным направлением работы с информацией и коммуникацией признается распределение оперативной информации по разветвленной сети экспертов, основная функция которых – выработка эффективных решений в борьбе с терроризмом. Очень часто как представители силовых структур, так и представители научного сообщества делают акцент на необходимости защиты информации, упуская из виду те направления, на которых информация выступает не как объект накопления, распределения и защиты, а как средство управляющего воздействия. В некоторой степени эта проблема исследована в работах, посвященных эффекту террористической и антитеррористической деятельности в СМИ, но сам управленческий эффект, оказываемый на целевые аудитории в результате распределения информации, часто не анализируется в полной мере.

Особенно опасной становится террористическая пропаганда в периоды экономической и политической нестабильности, подобные последнему глобальному экономическому кризису, начавшемуся в 2008 г. В подобные периоды техническое совершенствование террористической информационной сети особенно активно идет за счет вовлечения в нее жителей стран, охваченных кризисом. Молодежь приобретает новые возможности распространения протестных прокламаций через электронные ресурсы. Через определенное время она может подпасть под влияние идейных руководителей международного терроризма и стать, вольно или невольно, проводником террористической пропаганды.

В то же время при стремительном распространении террористической пропаганды через Интернет обращения правительственных органов к общественности, как в ситуации проведения террористических актов на территории государства, так и при их отсутствии, почти всегда носят ответный характер и часто запаздывают, что, на наш взгляд, не позволяет странам «антитеррористической коалиции» перехватить стратегическую инициативу.

Несовершенство контрпропаганды в борьбе с терроризмом отмечает, в частности, назначенный директором ЦРУ с 8 марта 2013 г. Джон Бреннан, говоря о «религиозном» дискурсе терроризма. «...Белый дом рассматривает врага как “экстремистов”, не “джихадистов”, и это важное различие... “Джихад” означает “самоусовершенствование или ведение священной борьбы за морально оправданную цель”. Использование этого термина создает риск придать действиям этих убийц религиозную законность, которую они отчаянно ищут, но никоим образом не заслуживают. Хуже того, это создает риск закрепить идею, что США находятся в состоянии войны непосредственно с исламом», – подчеркивает Бреннан (17).

Эта проблема усугубилась тем, что научное сообщество необдуманно восприняло религиозную, национальную, а в ряде случаев – политическую риторику (здесь можно привести пример именовании ультралевых организаций «коммунистическими») для описания действий террористических организаций. Одним из последствий этого явления стал рост количества публикаций о терроризме, даже в названиях которых употребляются слова «джихад», «джихадистский», «исламский» и т.п. Нередко такая терминология используется даже силовыми структурами европейских стран, что задевает чувства верующих и отнюдь не укрепляет имидж властей в глазах мусульманского населения.

Все это ведет к конфронтации между различными группами в европейском обществе по национальному или религиозному признаку и открывает путь для ультраправых настроений, на фоне которых активизируются террористы, подобные Андерсу Брейвику. Так, по данным опроса, проведенного Линцским институтом рынка (Linzer Market-Institut) по заказу австрийского журнала «Стандарт» (*Standard*), «более половины граждан страны – 54% – считают вполне вероятной победу нацистов на выборах, если предположить, что запрет на национал-социалистическую идеоло-

тию будет отменен. При этом 13% респондентов заявили, что такой запрет является слишком строгим ограничением. Кроме того, 61% граждан Австрийской Республики выразили желание увидеть во главе страны “твердую руку”. Среди сторонников диктатуры оказались в основном пожилые австрийцы, – пишет “Стандарт”. – При этом 42% опрошенных заявили, что во времена Адольфа Гитлера, когда Австрия являлась частью германского Третьего рейха, в стране жилось “не так-то плохо”, тогда как резко негативно о временах нацизма отозвались лишь 57% опрошенных» (3).

Другим свидетельством кризисных явлений можно назвать рост числа австрийцев, немцев, бельгийцев и представителей других европейских народов среди рекрутов, проходящих подготовку в тренировочных лагерях «Аль-Каиды» (28).

Проблема терроризма не нова и для Италии: деятельность «Красных бригад» (Brigate Rosse) во второй половине XX в. стала своего рода отправной точкой в разработке средств антитеррористической борьбы в современных условиях. В то же время наличие такого исторического примера зачастую вдохновляет современные итальянские экстремистские круги на создание террористических организаций ультралевого и анархистского толка. Общая для Европейского союза проблема «религиозного» терроризма также актуальна для страны.

Можно утверждать, что с началом мирового экономического кризиса в ЕС (и в Италии в том числе) наряду с прогрессивными оппозиционными движениями активизируются и основанные на ксенофобии и экстремистской идеологии крайне реакционные по своей сути террористические организации и террористы-одиночки самых разных направлений: ультралевого, ультраправого, «религиозного».

Рост террористических организаций происходит во многом по причине коммуникационной активности последних. Террористическая пропаганда манипулирует идеями национально-освободительного или левого движения, религиозными нормами, что оказывает прямое воздействие на мнение людей, находящихся в состоянии стресса и фрустрации, вызванных кризисными явлениями в политике и экономике. Пользуясь этим, террористические организации осуществляют пропаганду и вербовку.

Терроризм в Италии: современное состояние

Все ветви терроризма в Европейском союзе, согласно наблюдениям Европола (Europol), активизировались в последний раз с началом мирового экономического кризиса.

Таблица

Статистика ультралевого терроризма в ЕС в 2006–2011 гг.

Количество насильственных акций	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Ультралевые	55	21	28	40	45	37
Ультраправые	1	1	0	4	0	1
Террористические акты с религиозными мотивами	1	4	1	1	3	0

Источник: EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT). – Hague: Europol, 2007–2012.

Следует заметить, что статистику европейской полиции нельзя считать безупречной, так как зачастую в полицейские отчеты наряду с «полноценными» террористическими актами (как, например, взрывы бомб) попадают правонарушения, которые в иных случаях можно приравнять к хулиганству (порча витрины или автомобиля).

Ультралевые в ЕС заявляют о себе в основном в акциях второй категории, однако мы можем встретить и упоминания сходных неонацистских акций, которые тем не менее не попадают в статистику. Поэтому утверждать на основе приведенных данных, что количество терактов ультралевых превышает количество терактов ультраправых в 2011 г. в 37 раз, на наш взгляд, неправомерно.

Европол сообщает, что большинство арестов подозреваемых в «религиозном» терроризме в 2007 г. состоялось во Франции, Италии и Испании. Как и в предыдущие годы, большинство арестованных – выходцы из стран Северной Африки: Алжира, Марокко, Туниса (18, с. 18). Таким образом, в Италии, в отличие, скажем, от Австрии, Болгарии, Бельгии или ФРГ, число местных террористов «религиозного» толка растет значительно медленнее. В то же время встречаются и примеры террористической деятельности лиц, довольно длительное время проживающих на территории страны.

Так, 12 октября 2009 г. террорист попытался проникнуть в казармы Вооруженных сил в Милане, когда на их территорию проезжал транспорт. Когда его попытались остановить, подозреваемый взорвал устройство, которое нес с собой. Один из охранников получил легкое ранение. Сам подозреваемый получил серьезные ожоги при взрыве. Вскоре после инцидента власти арестовали египтянина и другого гражданина Ливии, которые, как полагали, занимались поставкой взрывчатых веществ и производством взрывных устройств. Исполнитель теракта получил в октябре 2003 г. вид на жительство в Италии и прежде никогда не привлекал внимания полиции по причинам, связанным с политикой или религией (20, с. 20–21).

Для 2007 г. специалисты Европола отмечают рост активности правых экстремистов. Он проявился главным образом в актах вандализма и нападениях на представителей левых партий и организаций. «Новая сила» (Forza Nuova) – самая заметная, по данным европейской полиции, правоэкстремистская группа, активная в Италии.

Со времен деятельности «Красных бригад» в стране не наблюдалось актов ультралевого терроризма, за которым стояла бы так же четко организованная группа. Исследователь терроризма из Университета Масарика (Masaryk University) в Брно (Чехия) М. Мареш утверждает, что в настоящее время в стране доминирует терроризм анархистских групп (26, с. 298), среди которых основной называет Неформальную анархистскую федерацию (Federazione Anarchica Informale – FAI), активную с 2001 г. Есть сведения о террористической активности FAI с декабря 2003 по декабрь 2009 г., в числе основных объектов – казармы карабинеров, Национальная ассоциация римских карабинеров, Евроюст (Eurojust) (пакет с взрывчаткой пришел туда в декабре 2003 г.) (25).

«Неформальная анархистская федерация» взяла ответственность за акции в Италии, Греции, Германии и Швейцарии в 2011 г. Как и для 2010 г., специалисты Европола отмечают развитие международной координации действий подобных организаций. В коммюнике, выпущенном греческой группой «Заговор огневых ячеек» (Synomosia Pyrinon Fotias), включенной в США и ЕС в список террористических, утверждается необходимость развить «международную сеть анархистских групп и отдельных лиц». В этом

контексте Европол рассматривает и возобновление деятельности FAI: в документах, приложенных к взрывным устройствам итальянских террористов, есть ссылки на опыт греческой группы (22, с. 27).

Между тем проблема ультралевого терроризма остается весьма неоднозначной, так как в настоящее время многие леворадикальные группы, классифицируемые силовыми структурами Европы как террористические, можно расценить как часть протестного движения, активизировавшегося под воздействием кризиса, что признают, в частности, и специалисты Европола. Несмотря на значительное количество по сравнению, например, с числом терактов «религиозных» групп, акции ультралевых чаще подпадают под определение экстремизма, но не терроризма. В западной литературе (26, с. 298) появился также термин «терроризм малых масштабов» (small-scale red terrorism), обозначающий такие действия, как, например, поджоги автомобилей или вандализм.

В то же время опасность активизации ультралевого терроризма возникает при необходимости подчинить протестное движение определенным группам интересов, как это происходит в ходе провокаций со стороны ультраправых, стремящихся подтолкнуть участников антифашистских демонстраций к насилию.

Косвенным признанием трудности выделения ультралевого терроризма на современном этапе может стать, в частности, заявление Европола о том, что в 2006 г. «левые и анархистские террористические атаки были мотивированы внутренней политикой, но совершались в рамках более широких международных кампаний: например, встречи на высшем уровне лидеров стран “большой восьмерки” уже становились целями ультралевых террористов и анархистов» (17, с. 33). Все подозреваемые, арестованные в 2006 г. в Италии, были гражданами ЕС. Процент женщин был намного выше, чем среди арестованных по подозрению в других видах терроризма.

Для 2007 г. выделяется, однако, уже другая тенденция. В Италии (как и в Испании) заявляют о слиянии «анархистских террористических групп и автономных экстремистских, а также экстремистов-одиночек», заявляющих о себе как об antimилитаристах, движений в защиту окружающей среды и социальных прав иммигрантов. «Это слияние различных групп может в конечном счете

означать, что автономные группы, которые до настоящего времени были только вовлечены в социальные протесты, изменят род занятий и перейдут к более активной подрывной деятельности» (18, с. 36).

Возможно, во многом именно в данном контексте – контексте нагнетания Европоллом напряженной атмосферы вокруг ультралевого и анархистского терроризма и постоянных прогнозов его роста – деятельность таких организаций, как FAI, снова начинает приобретать романтический ореол. Участники альтерглобалистских акций протеста становятся, волей-неволей, типичными представителями целевой аудитории террористической пропаганды, и «революционная» риторика таких организаций, как FAI, апеллирующая к опыту «Красных бригад», может спровоцировать отдельных представителей протестующей молодежи на участие в насильственных акциях, в том числе и с целью дискредитации левого движения.

Во многом «привлекательность» FAI может быть обусловлена именно коммуникационной стратегией организации, выступившей в 2004 г. с развернутым коммюнике. В нем FAI провозглашала прежде всего свой выбор символических целей для терактов, как это делали «Красные бригады»: «Каждая серия акций Неформальной анархистской федерации – проявление нашей революционной солидарности с арестованными или скрывающимися от ареста товарищами. Солидарность воплотится прежде всего в вооруженных акциях в отношении структур и отдельных лиц, ответственных за аресты товарищей» (27).

Рассмотрим коммуникационные средства террористических организаций Италии более детально, обратив отдельное внимание на FAI и подобные ей группы.

Коммуникационная активность террористических организаций в Италии

Вопрос об использовании СМИ довольно активно обсуждался в FAI, однако был сделан выбор в пользу «проверенного» коммуникационного эффекта самих терактов: «Использование средств массовой информации и / или общение с ними долгие годы является предметом жестких дискуссий в рамках движения и... обнару-

живаает страх быть пожранными чудовищем... Мы предпочитаем... товарищей, [проводящих] эффективные собственные акции, которые вынуждали бы печать говорить о них» (15). Стратегия выбора символических жертв подтвердилась, в частности, недавно, когда FAI выступила с угрозами в адрес главы итальянского правительства Марио Монти в мае 2012 г. Этот пример показателен тем, что в нем проявляются две довольно традиционные черты коммуникации ультралевых и анархистских террористических организаций Европы – символическая жертва и попытки создать «единый фронт сопротивления» (термин, во второй половине XX в. использовавшийся «Фракцией красной армии» (Rote Armee Fraktion – РАФ в ФРГ), выразив солидарность и наладив контакты со схожими группами из соседних стран.

В коммюнике FAI против М. Монти сообщалось, что премьер-министр стал бы одной из семи оставшихся целей атак террористов. Коммюнике было прислано в редакции двух региональных газет в Калабрии, в том числе в газету «Время Калабрии» (*Calabria Ora*). Письмо было подписано «FAI Калабрия». В нем, в частности, говорилось о том, что «не в интересах народа оставаться в Европе, спасать банки и выравнивать экономику государства, которое растратило деньги». Тон письма походит, по словам представителей прессы, на текст, который был прислан в газету после нападения на главу атомного концерна Роберто Адинольфи. Он был ранен 7 мая 2012 г. на улице в Генуе. FAI признала свою ответственность за нападение в том же месяце и сообщила о совершении по крайней мере восьми атак, проведенных с целью отомстить за арест в Греции восьмерых анархистов.

Первоначально подлинность поступившего в газеты письма была поставлена под сомнение, однако в соответствии с окончательной версией угрозы были приписаны FAI. Также в последнее время эта организация признала свою ответственность за отправку пластиковых бомб в почтовых отправлениях в целях покушения на политиков, полицию и посольства. Действиями группы был затронут и представитель директората государственной налоговой компании *Equitalia*, что позволяет сравнить стратегии FAI и «Фракции красной армии» в ФРГ (9). Атаки, связанные с деятельностью греческих или итальянских анархистских кругов, в большинстве слу-

чаев объяснялись «выражением солидарности с анархистами, содержащимися под стражей».

Если «религиозные» террористы и неонацисты заявляют о революции сравнительно редко, то ультралевая и анархистская пропаганда использует революционную риторику, пожалуй, наиболее активно, несмотря на небольшое количество источников по данной проблеме (9; 17–22; 27). Показательным примером может послужить и пропаганда «Неформальной анархистской федерации», греческих ультралевых террористических организаций или немецких представителей «терроризма малых масштабов», таких как «Боевые группы» (Militante Gruppe).

Итальянские ультралевые XXI в., по сути, используют протест против империализма, существовавший еще в программных документах ультралевых террористических организаций 1970-х годов. Так, в коммюнике FAI говорится: «В будущей крепости Европы, где единственными границами, защищенными силой оружия, будут границы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, договоры о рынке и милитаризации, мы продолжим противопоставлять им свободный договор между теми, кто начал действовать, чтобы атаковать господствующий класс, доказывая, что бороться не только возможно, но необходимо» (27). Образ безликой «системы», который довольно часто использовался для оправдания политических убийств, может быть позаимствован из опыта «Фракции красной армии».

В коммюнике FAI революционная деятельность представлена главным образом как практика; анализ текущей экономической ситуации, по сути, отсутствует: «Революционные кампании. Примеру каждой группы или индивида, как только будет начата вооруженная кампания, включающая акции и последующие сообщения (для прессы), будут следовать другие группы / индивиды “Неформальной анархистской федерации”, в свое время и доступным им способом. Каждый индивид / группа может запустить кампанию борьбы.., “продвигая” (наш) проект через единичные или множественные акции одновременно с акциями и комментариями у других групп, в которых содержится символический призыв к (укреплению) федерации» (27). Революционная риторика используется только для объяснения «борьбы» в настоящем.

Длительное расследование в Италии привело к аресту шести подозреваемых в июне 2009 г. и позволило полиции сделать вывод, что в стране существует «марксистско-ленинская (эпитет, используемый террористами FAI для возвышения своего имиджа, был активно подхвачен Европол. – Д.Б.) подрывная организация, базирующаяся в основном в Риме, Генуе и Милане». Целью членов организации называют повторное начало вооруженной борьбы согласно стратегии, сформированной под влиянием «Красных бригад» (20, с. 35).

Способы коммуникации выявленной организации с общественностью во многом схожи с методами «Красных бригад» и «Фракции красной армии». Чаще всего это использование общественного резонанса, вызванного терактом, для рассылки своих воззваний, содержащих призывы присоединиться к «вооруженной борьбе». В ноябре 2009 г. в редакции нескольких итальянских газет пришла четырехстраничная листовка, озаглавленная: «Стратегическое решение». Авторы листовки призывали читателей «возобновить вооруженную борьбу». Документ прислала группа, ранее не известная полиции, – «Ячейки территориальных боевых действий» (Nuclei di Azione Territoriale, Luca e Annamaria Mantini), члены которой признавали влияние, оказанное на них «Красными бригадами» (20, с. 35).

На основе перечисленных случаев для стран, наиболее пострадавших в ходе экономического кризиса, – Греции, Италии и Испании – европейская полиция отмечает уже не просто рост насилия, но возводит это в ранг «традиции», что, на наш взгляд, должно стать поводом задуматься о социально-политических факторах появления экстремизма и терроризма. Однако усиление данной тенденции отмечается и для остальных стран ЕС с 2010 г., что признает Европол: «Общественное недовольство населения, затронутого глобальным экономическим спадом и сокращением расходов государства на социальное обеспечение, возможно (курсив мой. – Д.Б.) повлияло на развитие (этой тенденции), которая отмечается с 2007 г. Образ действий при осуществлении большинства атак показал признаки увеличения интернационализации левых и анархистских групп, хотя и те и другие исторически были международными» (21, с. 25).

Атаки современных ультралевых террористов во многом напоминают действия их предшественников. Схема информационного и коммуникационного обеспечения террористической деятельности современных ультралевых Европы мало отличается от образа действий «Красных бригад» или «Фракции красной армии»: общение с целевой аудиторией осуществляется через СМИ, в редакции которых приходят коммуникаторы террористов, а главным «сообщением» является сам теракт, который должен приобрести дополнительную символическую ценность на фоне социальной, экономической и политической нестабильности. В то же время многочисленность нетеррористических экстремистских групп, без анализа объективной реальности, наличия или отсутствия революционной ситуации выражающих готовность перейти к насильственным акциям (однако, о чем стоит помнить, не переходящих к ним), можно расценить как следствие не только социальной напряженности, но и в ряде случаев – террористической деятельности немногочисленных организаций, подобных FAI.

Коммуникационный эффект терактов ультралевых находится пока в рамках классической схемы реакции на внезапную кризисную ситуацию: «...информация, которую хотели получить люди, в первую очередь, касалась причины катастрофы, угрозы последующих актов, уровня ущерба и последствий событий». Реакция на теракт схожа с ситуацией после 11 сентября 2001 г., когда «люди тратили 8 часов в день на поиск информации о катастрофе, просматривая новости по телевизору, слушая радио или обсуждая ситуацию с друзьями и семьей...» (7, с. 149–150).

С развитием интернет-коммуникаций ультралевые террористические организации во многом смогли решить организационную проблему, которая, по мнению М. Баумана, стала основной причиной поражения РАФ: наличие разветвленной организации с известным всем ее членам руководством привело к тому, что полиция легко восстановила все связи террористов РАФ по документам, найденным у их арестованных сообщников. Современные ультралевые организации не имеют такой четкой структуры, так как каналы передачи информации сегодня, на наш взгляд, позволяют не вступать в необходимый ранее личный контакт с другими террористами. Это подтверждается, в частности, в первом коммуникаторе FAI, где говорится о сообщении между группами и индивидами:

«Активные группы неформальной анархистской федерации не поддерживают между собой постоянной связи (тогда, когда для этого) нет необходимости, иначе возник бы риск создания репрессивной структуры, выдвижения индивидуальных лидеров и бюрократизации. Сообщение между группами / индивидуумами осуществляется в основном через сами акции и через информационные каналы, для чего нет необходимости знать друг друга (лично)» (27). Таким образом, основными способами донесения сообщения до целевой аудитории признаются коммуникационный эффект террористического акта (его освещение в СМИ, реакция на него) и анонимное распространение данных. Другими целями использования Интернета кроме пропаганды и координации действий террористов исследователи также считают вербовку и обучение новых террористов, кибератаки, фандрайзинг (поиск спонсоров) (29, с. 3–5).

Борьба с терроризмом в Италии: основные направления и коммуникационный аспект

После терактов 11 сентября 2001 г. во многих странах Европы были предприняты меры по противодействию распространению информации террористами. Так, во Франции полиция получила право прослушивать телефонные разговоры и просматривать личную электронную почту граждан. Телефонные и интернет-компании получили указание сохранять записи прослушанных разговоров и переписку как минимум в течение года. Сходные меры были предприняты в ФРГ и Великобритании (30, с. 175). Также о намерении просматривать частную электронную переписку объявил Европол (2, с. 18). Подобные меры, хотя и признаются действенными, часто вызывают критику правительств со стороны журналистского сообщества и общественных организаций, обвинения силовых структур в репрессиях. Поэтому наряду с цензурой и сбором разведывательных данных необходимыми стали меры контрпропаганды, паблик рилейшнз и коммуникационного менеджмента.

Итальянское Министерство иностранных дел подчеркивает свою приверженность общему курсу Европейского союза, в частности, высокое значение комплексного подхода к проблеме, каждый компонент которого (исследовательские опросы и анкетирование, сбор информации, политико-дипломатическое измерение борьбы

с терроризмом, налаживание межкультурного и межрелигиозного диалога, пресечение финансирования терроризма, меры транспортной безопасности и, при необходимости, использование военной силы) оказывает существенный синергетический эффект при решении проблемы (14). Однако МИД Италии вслед за наднациональными структурами ЕС не выделяет в особое направление информационное и коммуникационное противодействие терроризму, хотя отдельные его элементы включает упоминавшийся выше межкультурный диалог.

МИД сообщает, что Италия «быстро отреагировала на террористическую угрозу, появившуюся после 11 сентября 2001 г., в соответствии с резолюциями, принятыми Организацией Объединенных Наций, и с различными нормами регулирования, принятыми в ЕС». Одной из своевременных мер на данном направлении названо принятие Закона № 438/2001 (DL 374/2001) о порядке предотвращения и судебного преследования исполнителей преступлений, связанных с международным терроризмом. В законодательство было также введено определение новой категории преступного сговора – сговора в целях международного терроризма (ст. 270 bis Уголовного кодекса).

Как можно заключить из открытых публикаций МИД, магистральным направлением антитеррористической деятельности в Италии является борьба с финансированием терроризма. Во многом это можно связать с политикой активного (и успешного) противостояния итальянских властей деятельности мафии. Показательно, что учреждения, сформированные в свое время для борьбы с мафией, вошли в структуру антитеррористических служб. Законом № 431/2001 (DL 369/2001) был учрежден Комитет по финансовой безопасности (Comitato di Sicurezza Finanziaria – CSF) при Министерстве экономики и финансов, председателем которого стал генеральный директор Казначейства. Комитет состоит из одиннадцати участников и включает представителей министерств внутренних дел, экономики и финансов, юстиции и иностранных дел, а также Банка Италии, Национальной комиссии по делам бизнеса и Фондовой биржи (CONSOB), Итальянской банковской ассоциации, Итальянского комитета по валютным операциям, полиции, в том числе финансовой, карабинеров и Национального управления по борьбе с мафией.

Задача CSF – препятствовать использованию итальянской финансовой системы террористическими организациями. Комитет координирует усилия властных структур Италии по борьбе с финансированием терроризма и уполномочен замораживать активы лиц или организаций, связанных с террористическими группами. CSF контролирует выполнение инструкций, поступающих в Италию из наднациональных структур ЕС, а также выполнение санкций, принятых Советом Безопасности ООН, одобряет предложения по включению физических или юридических лиц в список Комитета по санкциям против «Аль-Каиды» и «Талибана». Стоимость финансовых активов, замороженных итальянскими административными учреждениями, составила с декабря 2004 г. по настоящее время около 500 тыс. евро; кроме того, активы и собственность стоимостью около 4 млн евро были конфискованы по требованию судебных властей (14).

«Одним из самых инновационных инструментов ЕС» названы в публикациях итальянского МИДа списки сообществ (community level lists), нацеленные на замораживание активов лиц и террористических групп, не связанных с «Аль-Каидой» (Положение 931/2001 (ОJ 2001, L 344/93) и Инструкция 2580/2001 (ОJ 2001, L 344/70). В мае 2004 г. «Красные бригады» и девять других итальянских организаций были включены в эти списки после предложений, сделанных Италией (14). В этом чувствуется и определенное отставание итальянских антитеррористических структур от темпов развития терроризма. Что касается финансовой безопасности, перед итальянскими властями, вероятно, как и перед властными структурами других стран ЕС, возникает задача противодействия неофициальным финансовым операциям, неподконтрольным учреждениям финансовой безопасности (к примеру, экономисты упоминают случаи использования в Европе хавалы – своеобразной системы денежных переводов, основанных на устных договоренностях, – в целях финансирования террористической деятельности). Использование таких механизмов финансирования терроризма сочувствующими целиком основано на лояльности той или иной группе и может быть пресечено, в частности, и с помощью грамотно выстроенной системы коммуникационной безопасности. Как бы то ни было, а проблема противодействия коммуникации террористических групп решается в стране с большим трудом.

Итальянская коммуникационная стратегия борьбы с терроризмом признается довольно жесткой. По словам исследователей, в отношении сторонников террористических организаций в среде мусульманского духовенства власти Италии действуют по принципу: «Или мечети соблюдают закон, или они закрываются» (10, с. 245). Возможно, такой интерес именно к «религиозному» терроризму существует в Италии, в частности, потому, что именно здесь отмечались случаи конфронтации между людьми разного вероисповедания, ставшие поводом для активных напряженных дискуссий в СМИ. Ярким примером может служить нашумевшая книга итальянской журналистки Орианы Фаллачи «Ярость и гордость» (Oriana Fallaci «La Rabbia e l'Orgoglio»), в которой автор напрямую связывает терроризм со спецификой исламской религии (8).

В июле 2005 г. итальянский суд обвинил марокканца Мохаммеда Ранка, бывшего имама Флоренции, в принадлежности к экстремистской ячейке, предположительно планировавшей террористические акты в Италии. Он был приговорен к тюремному заключению на четыре года (10, с. 245). Точно так же шейх Абдул Кадер Фадлалла Мамур был выслан из Италии в ноябре 2003 г. к себе на родину в Сенегал в связи с обвинением в словесной поддержке действий Усамы бен Ладена и создании угрозы общественной безопасности. В интервью *As-Sharq Al-Awsat*, ежедневному лондонскому арабскому изданию, Мамур в резком тоне «утверждал, что он командует огромной армией и будет искать способ мести, обещая новые террористические акты, нацеленные на европейские страны» (10, с. 245). Также из Италии были высланы имам Турина Бурики Бухта и вице-президент исламской культурной ассоциации североитальянского города Комо Литайем Амор бен Чедли (4). Всего после терактов в Нью-Йорке из страны были высланы 12 имамов. Также происходили аресты проповедников, подозревавшихся в помощи террористическим организациям и террористической пропаганде.

Итальянское правительство активно исследует возможность обучения местных имамов, чтобы гарантировать их лояльность и развитие исламского образования, свободного от влияния террористической пропаганды. После оглашения подобных инициатив в Голландии, Великобритании и Испании итальянское правительство объявило о намерении финансировать создание института, который будет обучать и аккредитовать имамов. Ожидается, что это

не только снизит радикализацию, но и поможет наладить диалог с посетителями мечетей. Также предпринимаются усилия по укреплению отношений мечетей и религиозных центров с местной полицией, которая призывает верующих сообщать о любой преступной деятельности, включая связанную с террористической угрозой.

Итальянское управление разведки в области безопасности (DIS – Dipartimento informazioni per la sicurezza), сформированное в своем современном виде в 2006 г., постоянно информирует общественность о существующей террористической угрозе, представленной разными ветвями терроризма. Кроме того, итальянские спецслужбы имеют собственное аналитическое издание «Гнозис» (*Gnosis*), что позволяет говорить о постоянном совершенствовании не только системы связей с общественностью и коммуникационного менеджмента, но и о развитии аналитического направления в борьбе с терроризмом. В целом можно отметить, что коммуникационный аспект повышает свое присутствие в системе антитеррористических структур Италии, хотя уступает экономическому аспекту. Возможно, проблемы, связанные с последствиями экономического кризиса, станут дополнительным фактором его развития в будущем.

Заключение

Анализ террористической активности в Европе в целом и в Италии в частности показывает, что основная целевая аудитория террористических групп – власти государств, на территории которых проводится теракт, – все еще не имеет слаженного плана кризисных коммуникаций в ответ на проявления терроризма. Все это позволяет нам с сожалением говорить о том, что террористические организации сегодня опережают антитеррористические на направлении коммуникационного менеджмента.

Несомненной сильной стороной коммуникационной стратегии современных террористических организаций, среди которых сегодня наиболее активными являются группы «религиозного» толка (несмотря на распространение ультралевого терроризма) как связанные с «Аль-Каидой» и ее филиалами, так и автономные, является использование безусловной реакции населения Европейского союза на проблемы, связанные с мировым экономическим кризисом. К примеру, очевидным коммуникационным просчетом

европейских властей является неизменно декларируемое ими отношение к конфликтам в Афганистане и Ираке, а также явное отставание коммуникаций, направленных на контакт с мигрантами, от требований текущего момента.

На этом фоне происходит закономерная радикализация взглядов европейского населения на экономическую и политическую обстановку, когда граждане, особенно молодежь, становятся более уязвимыми перед лицом террористической пропаганды. Это может привести к ситуации, когда потенциальные представители прогрессивного протестного движения, способного действовать легальным путем, выводятся из такового, становясь жертвами террористической пропаганды, что только усугубляет напряженную ситуацию в обществе. С другой стороны, террористические группы на этом фоне способны использовать все каналы коммуникации для дальнейшей дестабилизации общества.

Список литературы

1. Аль-Каида вербует европейцев // Телеканал «Звезда». – Режим доступа: rutube.ru/tracks/577432.html?v=9a92bdae14178a403ee1c316c4027562 (дата обращения 20.03.2013).
2. Белоножкин В.И., Остапенко Г.А. Информационные аспекты противодействия терроризму. – М., 2011. – 112 с.
3. Более 60% австрийцев хотели бы видеть у власти диктатора: Опрос // РИА «Новости». – 09.03.2013. – Оригинал материала: Seidl C. Umfrage: 42 Prozent sagen «Unter Hitler war nicht alles schlecht»// der Standard. – 2013. – 8. März. – Mode of access: derstandard.at/13621079-18471/Umfraege-42-Prozent-sagen-Unter-Hitler-war-nicht-alles-schlecht (дата обращения 20.03.2013).
4. Из Италии депортирован вице-президент исламской культурной ассоциации // Седмица. ру: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – Режим доступа: www.sedmitza.ru/news/330959.html (дата обращения 25.01.2013).
5. Куликов А.С. Борьба с терроризмом: Достигнуты ли цели, верен ли выбор средств? // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма: Документы и материалы III международного форума / Под общ. ред. А.С. Куликова. – М.: Изд. Гос. Думы, 2007. – С. 5–10.
6. Сафонов А.Е. Состояние международной борьбы с терроризмом после 11 сентября 2001 года: Обзор // Мировое сообщество против глобали-

- зации преступности и терроризма: Документы и материалы III международного форума / Под общ. ред. А.С. Куликова. – М.: Изд. Гос. Думы, 2007. – С. 10–13.
7. Улмер Р., Селлнау Т., Сиджер М. Эффективная кризисная коммуникация / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2011. – 268 с.
  8. Фаллачи О. Ярость и гордость / Пер. с итал. Л. Виноградова. – М.: ВАРРИУС, 2004. – 160 с.
  9. Anarchisten drohen mit Anschlag auf Premier Monti // Spiegel Online. – 2012. – 16. Mai. – Mode of access: www.spiegel.de/politik/ausland/anarchisten-drohen-mit-anschlag-auf-regierungschef-monti-fai-a-833646.html (accessed 25.01.2013).
  10. Björkman C. Salafi-Jihadi terrorism in Italy // Understanding violent radicalisation. Terrorist and jihadist movement in Europe / Ranstorp M. (Ed). – L.; N.Y., 2010. – P. 231–255.
  11. Brennan outlines terror strategy, rebutting critics // Real clear politics.– 2009. – 06 August. – Mode of access: www.realclearpolitics.com/politics_nation/2009/08/terror_czar_outlines_terror_st.html (accessed 20.03.2013).
  12. Council common position of 27 December 2001 on the application of specific measures to combat terrorism (OJ 2001, L 344/93) // Official j. of the European Communities / EUR-Lex. – Mode of access: eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2001:344:0093:0096:EN:PDF (accessed 10.05.2013).
  13. Council regulation (EC) No 2580/2001 of 27 December 2001 on specific restrictive measures directed against certain persons and entities with a view to combating terrorism (OJ 2001, L 344/70) // Official j. of the European Communities / EUR-Lex. – Mode of access: eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2001:344:0070:0075:EN:PDF (accessed 10.05.2013).
  14. Counter-terrorism measures in Italy // Farnesina / Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: www.esteri.it/MAE/EN/Politica_Estera/Temi_Globali/Lotta_Terrorismo/ (accessed 25.01.2013).
  15. Contribution pour un débat au sein du mouvement anarchiste et anti-autoritaire (5 mars 2005) // Agence Presse Associative (APA). – Mode of access: apa.online.free.fr/article.php3?id_article=238 (accessed 25.01.2013).
  16. DIS – Dipartimento informazioni per la sicurezza. – Mode of access: www.sicurezza nazionale.gov.it/sisr.nsf/chi-siamo/organizzazione/dis.html (accessed 25.01.2013).
  17. EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2007. – Hague: Europol, 2007. – 44 p.
  18. EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2008. – Hague: Europol, 2008. – 54 p.

**Коммуникация в арсенале террористов
и антитеррористических структур
в Италии (2000–2013)**

19. EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2009. – Hague: Europol, 2009. – 56 p.
20. EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2010. – Hague: Europol, 2010. – 56 p.
21. EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2011. – Hague: Europol, 2011. – 46 p.
22. EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2012. – Hague: Europol, 2012. – 48 p.
23. Legge n. 431 del 14 dicembre 2001 (DL 369/2001) // Normattiva: Il Portale della Legge Vigente. – Mode of access: www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2001;431 (accessed 10.05.2013).
24. Legge n. 438 del 15 dicembre 2001 (DL 374/2001) // La Camera dei Deputati: XV Legislatura. – Mode of access: legxv.camera.it/cartellecomuni/leg14/RapportoAttivitaCommissioni/commissioni/allegati/03/03_all_dl2001374.pdf (accessed 10.05.2013).
25. Le principali azioni firmate Fai, Federazione Anarchica Informale // ANSA. – 2010. – 27 marzo. – Mode of access: www.ansa.it/web/notizie/rubriche/associata/2010/03/27/visualizza_new.html_1737582394.html (accessed 25.01.2013).
26. Mareš M. Extreme left terrorism in contemporary Europe // Central European Political Studies Review. – Vol. 9, Part 4., 2007. – P. 294–314.
27. Premier communiqué de la FAI (Janvier 2004) // Agence Presse Associative (APA). – Mode of access: apa.online.free.fr/article.php3?id_article=243 (accessed 25.01.2013).
28. Terrorcamps: Die Lizenz zum Töten // Kurier. – Wien, 2010. – 27.04.
29. Theohary C.A., Rollins J. Terrorist use of the Internet: Information operations in cyberspace. – Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2011. – 19 p.
30. Weimann G. Terror on the Internet: The new arena, the new challenges. – Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2006. – 325 p.